

Окраины села неровный вырост,
Пологий склон.
Скарб на дворе, что жизнь твоя — на выброс, —
И дом на слом.

Твердили — смена места временами
Не повредит.
Да, дом — живой, но в это время нами
Почти убит.

Понятно все — там город к небу рвется,
Почти как жизнь.
А этот дом... Ну, что в нем остается?
Поди скажи.

В грузовике поместится немного
Из жизни той.
Покурим да присядем на дорогу;
Езжай, не стой.

Несказанное бьется в шейной жиле,
Юлит угрем.
Внезапно понимаешь: тут мы жили,
А там — умрем.

И женщина в платке на тонкой шее
В салоне «москвича»
Негромко, и от этого страшнее,
Начнет кричать.

И мужики заходят желваками
Скул на лице,
Под режущее «Що ж там буде з нами?
Нащо нам це?!»

* * *

Столько лет, а все же снится:
Сенный запах, зной густой,
Дальний выгон за станицей,
Перелесок-сухостой.

Луг, что разделен канавой,
Словно раной ножевой.
Солнце клонится к дубравам
Вдоль тропинки межевой.

Налегай на вилы крепче,
Поднимая сноп на стог.
Станет вечер — выйдешь к речке,
Что укрылась за отрог.

Посидишь у речки возле;
Смоешь пот и пыль с лица.
Полной грудью втянешь воздух —
И проснешься до конца.

* * *

Так зачем ты снова пришел нас тревожить? Смотри —
Здесь у каждого чистый бес заточен внутри.
Быт спокойный, нелепый мир. И об этом речь:
Ведь не мир ты несешь в юдоль нам, но острый меч.

И зачем твои речи о праведности, добре?
Мы давно сумасбродны. Нам нравится этот бред.
Нам не нужен пастырь, и незачем нас пасти.
Ты себя хотя бы попробуй сперва спасти.

Нам не ладан и смирна — нам золото и серебро.
Нам не райские кущи — у нас тут свое добро.
Ты же помнишь, как все закончилось в прошлый раз,
Так зачем ты снова явился тревожить нас?

* * *

Ночь застыла у порога,
Ночника неярк свет.
Спи, родная, ради Бога;
Даже если бога нет.

Лишь лицо луны лоснится
С не улыбчивых небес.
Спи. Пускай тебе приснится
Бог, который есть.

* * *

Я не живу, я жизнь на поводке
Вожу из клетки дома до работы.
Вот утро. И в осеннем холодке
На нотном стане парка стыннут ноты.

И музыка мне слышится, легка;
И тонкий воздух переполнен солнцем.
И жизнь моя сорвется с поводка,
И в клетку дома больше не вернется.

* * *

Говоришь: «В этом городе жизнь — постоянный стресс,
И единственное лекарство — уехать вдруг».
И уже ты въезжаешь в сияющий Херсонес,
А меня добивает пасмурный Петербург.

Все лекарства от грусти испробовав от и до,
Мы с тобою привычно утопим ее в вине.
Только ты освежишься рубиновым бастардо,
Я себе для сугрева «Столичной» плесну вдвойне.

Ну и пусть там дешевле фрукты, и без пальто
Там всю осень гуляют, купаются в октябре, —
Все равно он не твой, этот ласковый Севасто...
Все равно тебе ближе болотистый Сестроре...

Так что ты приезжай, не бери километры в счет;
Расстояния нынче не властвуют над людьми.
Этот город безумно прекрасен, да только вот
Он пустой без тебя фантастически, черт возьми.

* * *

Это не мой дом — окна на свет слюдяные,
Крыша горбатая, двери раззявлен рот.
Над печною трубой столетние ивы согнули выи.
Крылья ворот.

Не выступает на камне прибрежном высол,
Чаячьи крики над морем ветра не рвут.
Это не я там родился, обжился, собрался, вышел —
Помяни, как зовут.

И не туда меня тянет судьба лихая,
Мне предстоит проходить по стезе другой.
Это не там перед ямой проститься положат с краю
на часок-другой.

Но надрывается сном ледяная полночь,
Ложная память во рту солянит-горчит.
Воспоминания давят на грудь, что бурлачья помочь —
Нечем смягчить.

* * *

Сын собирает камушки на заливе,
Замок песчаный строит — башенка, три стены...
В эмалированной миске — невытые сливы,
Соседкой принесены.

Сына убьют через двадцать лет на войне без названья.
На могилу ходить не станешь, повторяя: «Не мой, не мой».
Сливы приносит в эмалированной миске соседка Таня.
Некому есть, сколько ни мой.

Выйдешь к заливу. Холодно и пустынно.
В замковых стенах волны промыли брешь.
Камушки гладкие тянут карман. Слезы стынут.
Крепко к груди прижимаешь *живого* сына:
«Там, на столе, в эмалированной миске... Пойди, поешь».